

ГЛАВА 1

Октябрь 1918 года

— Ребекка Грейс, если ты не поторопишься, мы опоздаем на лекцию! — Мама воздержалась от крика, хотя звук ее голоса без труда вознесся вверх по лестнице и проник в мою спальню. В конце концов, леди не к лицу повышать голос.

— Иду, мама! — Я прикрепила булавкой широкополую шляпу, прикрыв свои светло-каштановые волосы, и старалась рассмотреть себя в крошечном зеркале, висящем на стене. Шляпа была, конечно, не последней модели, но вполне сойдет. По крайней мере, для Даунингтона в штате Оклахома.

Я побежала вниз по лестнице, благодаря маму за то, что она разрешила мне носить юбки чуть выше лодыжек. Опомившись на последней ступеньке, я уменьшила темп и вовсе остановилась перевести дыхание, прежде чем выйти на улицу к ожидавшим меня родителям.

Несмотря на волнение, я заставила себя идти медленно, с достоинством, подобающим молодой женщине, которой недавно исполнилось девятнадцать.

Взбираясь на заднее сиденье двуколки, я бросила взгляд на сарай, в котором стоял старый «форд» моего брата, и подавила вздох сожаления.

— Мы могли бы воспользоваться автомобилем Уилла, мама. И приехать эффектно, как миссис Тэкер.

Мама фыркнула, выразив свое неодобрение, хотя я и так знала, что, по ее убеждению, по всем вопросам, касающимся поведения в обществе и культуры, к миссис Тэкер следует прислушиваться в последнюю очередь.

— Ее муж настаивает, чтобы она ездила на том автомобиле, а она наверняка предпочла бы тихую и надежную повозку.

Я жала губы крепче, силясь удержать комментарий, тем временем папа стегнул лошадь, и мы тронулись вперед. Я сомневалась, что миссис Тэкер присуща сдержанность, которую мама приписывала ей. Миссис Тэкер жила в современном мире, далеко от сельскохозяйственных угодий Оклахомы. Если бы ее муж не стал владельцем местного банка, она никогда бы не решила поселиться в Даунингтоне. Я была уверена в этом.

— Я рассчитываю на твою помощь сегодня, Ребекка Грейс! Жители придут на лекцию, чтобы получить благотворное воздействие на свои умы. А мы — члены женского сообщества Даунингтона — должны выполнить свой долг и помочь им в этом.

— Да, мама. — Я рылась в своей сумочке, пытаюсь скрыть улыбку, расплывающуюся у меня на устах.

Мама, может быть, и была обеспокоена чьим-то развитием и интеллектом, но мои намерения были вовсе не столь благородны. Сегодня вечером я лишь хотела убедиться, что Артур Сэмсон понял мое намерение выбраться из этого городка и увидеть мир. Вместе с ним.

* * *

Папа высадил нас у парадного входа в здание школы. Из каждого окна лился свет, разгоняя сгустившуюся над заливом тьму.

Мотор большого автомобиля лениво урчал неподалеку, но я не могла разглядеть, кто сидит за рулем — Артур или мистер Тэкер, поэтому проследовала за мамой внутрь.

— Хвала Небесам, вы здесь, Маргарет! — Миссис Тэкер подплыла к маме, затянутыми в перчатки руками приобняла ее за плечи, и на мгновение их щеки коснулись в приветствии. Затем миссис Тэкер отстранилась.

— Вскоре все начнут съезжаться!

Мама поставила сумочку на одно из сидений первого ряда.

— Чем я могу помочь?

— В данный момент ничем. Мы будем встречать прибывающих, возможно, будем показывать, где сесть. Конечно, я представлю доктора Уитмора.

Я отвлеклась от их разговора. Мне было не под силу проявлять такой же энтузиазм, предвкусывая лекцию профессора богословия.

Дверь вновь открылась. Вошедший человек нес два папоротника в горшках, и хотя они закрывали его лицо, я знала — это Артур. Больше никто в городе не носил таких высоких ботинок и коричневую солдатскую форму.

— Поставь их впереди, — велела миссис Тэкер племяннику. — По одному с каждой стороны от трибуны.

Я пристально следила за тем, как Артур шел по проходу, восхищаясь его решительной походкой и сильными руками. Он расставил растения, как было велено.

— Прекрасно, — отметила миссис Тэкер. — А теперь подойди и поздоровайся с миссис Хэндрикс и мисс Ребеккой.

Молодой человек повернулся к нам, снял шляпу, и на его губах появилась легкая улыбка. Загорелая кожа лица выгодно оттеняла блестящие белые зубы и волосы пшеничного цвета.

— Очень рад видеть вас вновь, миссис Хэндрикс, мисс Ребекка.

Я выпрямилась и улыбнулась в ответ. Голоса, раздавшиеся у двери, увлекли маму и миссис Тэкер к входу: прибыли еще три члена женского сообщества, и дамы обменивались приветствиями. Тем временем Артур стал возле меня.

Когда он смотрел мне в глаза, у меня внутри все таяло, как масло на горячем бисквите. Это продолжалось с того самого момента, как мы встретились, почти три недели назад, когда он приехал в Даунингтон навестить своих тетю и дядю. Он не был похож ни на одного юношу из тех, кого я знала. Он не бороздил грязные поля. Он парил над ними.

Выпускник колледжа. Летчик, устремленный ввысь! Ему принадлежал весь мир!

Тот факт, что он обратил внимание на такую деревенщину, как я, кружил мне голову и заставлял сердце сильнее биться в груди.

Молодой человек не отводил от меня взгляда, несмотря на то, что зал наполнялся людьми. Я желала, чтобы этот миг длился вечно! Но момент был, увы, не самый подходящий. Сцепив

пальцы, я подумала о том, что нас могут услышать. Поэтому наклонилась к нему и спросила:

— Вы уже знаете, где будете сидеть, мистер Сэмсон?

Он тоже наклонился и подмигнул мне:

— Я надеялся, мы вместе получим удовольствие от поиска места. — Он глянул на выход и вновь посмотрел на меня. Его намек был совершенно ясен.

Я закусила нижнюю губу и посмотрела на маму. Она стояла по одну сторону входа, миссис Тэкер по другую. Другие женщины носились по кругу, провожая гостей к пустым креслам. Никто не обращал на нас никакого внимания.

Артур взял меня под руку и повел в дальний угол зала. В полумраке его мягкий голос обволакивал меня, будто шелковая шаль, которую мне прислала тетя Адабель на школьный выпускной.

— Ну а ты? — спросил он приглушенным голосом с мягким тембром. — Ты тоже предвкушаешь прослушать лекцию этим вечером?

Я потупилась и нервно хихикнула, а губы Артура вновь изогнулись в усмешке. Он зашептал:

— Садись возле меня на ступеньках около входа. Это наш последний шанс поговорить. Утром я уезжаю в Техас.

В это мгновение миссис Тэкер выплыла на середину зала, мама следовала за ней. Прежде чем миссис Тэкер успела обернуться и обозреть собравшихся, мы с Артуром скользнули за дверь и очутились в вечерних сумерках.

* * *

Я села на среднюю из трех ступеньку крыльца школы, расправила юбку и спрятала ноги под подол. Артур прошел по двору и закурил сигарету. Воцарившуюся тишину нарушали лишь доносившиеся звуки голосов. Затем раздались аплодисменты. К тому моменту, как началась монотонная речь, молодой человек уже докурил и затушил тлеющий окурок носком ботинка, сел возле меня и откинулся немного назад, опершись на локти.

— В это же время на следующей неделе я уже буду в самолете! — Он поднял голову вверх, будто уже смотрел на себя,

летающего в небе. — Сначала я буду летать над Техасом, затем над Францией... Или Германией...

Я тоже подняла глаза и вместе с ним посмотрела на небо, думая о том, как много раз я загадывала желание, увидев первую вечернюю звезду. Теперь я верила, что Бог указывал мне путь, и я молилась о том, чтобы пройти его вместе с Артуром.

— Как бы мне хотелось полетать вместе с тобой!

— Правда? — Артур выпрямился и посмотрел на меня своими смеющимися глазами. — А разве тебе не будет страшно?

Я покачала головой, вспоминая, сколько часов, дней и лет я жаждала освободиться от домашней работы, ухода за садом и скотом. Освободиться от обжигающего маминого взгляда и острого языка. С тех самых пор, как я окончила школу, я мечтала покинуть этот аккуратный скучный городок.

— Я хочу увидеть новые места, делать что-то иное! Я хочу жить жизнью, в которой будет нечто куда большее, чем просто садоводство, сбор урожая и домашняя работа. Я хочу, чтобы у меня была жизнь, которая стоит того, чтобы ее прожить!

— Я мог бы научить тебя летать на аэроплане! — предложил он.

Звезды подмигнули мне с небес. Я подняла голову и попыталась представить, как это — самой воспарить над землей. В животе все перевернулось.

— Может быть, сначала научишь меня водить автомобиль, прежде чем мы примемся за самолет? — предложила я.

Наш смех сливался, словно мед с горячим чаем. И был так же сладок.

Артур повернулся ко мне.

— Мы могли бы делать многие захватывающие вещи, Ребекка. Вместе — ты и я.

Я прижала руки к животу. Он что, и вправду так считает? Неужели он станет теми крыльями, с помощью которых мне удастся воспарить над Даунингтоном?

Его обычно томный голос стал вдруг очень резким.

— Ты не похожа ни на одну из девушек, которых я встречал раньше. Ты мечтаешь по-крупному! Мне это нравится!

Я прижала руки к животу еще сильнее. Действительно ли он подразумевал именно то, о чем я подумала?

Он взял мои ладони в свои.

— После того как я разберусь с немцами, я вернусь за тобой. Мы будем жить в Далласе, или в Нью-Йорке, или где-нибудь в Европе.

Я втянула ночной воздух, закрыла глаза и на мгновение предстала, что все мои мечты сбываются.

— Ты будешь героем войны — награжденным летчиком-асом. А я буду завсегдатаем клуба, названного в мою честь, и моя фотография будет каждую неделю в газете! — Где-то в глубине глаз начали собираться слезы, но я отказывалась плакать, даже от счастья!

Мои глаза вновь открылись, пока его пальцы переплетались с моими.

— Скажи, что ты не разыгрываешь меня, Артур! Скажи, что все это — правда!

Взяв меня за подбородок, он заглянул мне в лицо.

— Я бы не говорил этого, если бы действительно не думал так, Ребекка!

Он придвинулся ближе. Я с трудом глотнула, его лицо было в нескольких миллиметрах от моего, его дыхание обдавало жаром мою щеку. Мои глаза были плотно закрыты.

Его руки опустились на мою талию, прежде чем меня ожег огонь его губ. Это не было похоже ни на что, о чем я мечтала или испытывала прежде. Прошли секунды — или это были минуты? Кажется, прошла вечность, но она протекла как мгновение! Когда он отстранился, я напомнила себе, что необходимо вновь дышать!

Он обнял меня одной рукой за плечи так непринужденно, будто делал это уже сотни раз.

Я вздрогнула, а затем опустила голову ему на грудь, как раз под подбородком.

Так мы и сидели, в тишине обдумывая свои мечты, пока из зала не донесся звук взорвавшихся аплодисментов.

Артур помог мне подняться. Мы на цыпочках вошли в зал и захлопали вместе с остальными. Как мы и предполагали, никто не заметил, что нас не было все это время.

* * *

После того как все ушли, мы с Артуром помогли маме и миссис Тэкер привести зал в порядок.

— Ребекка Грейс! — позвала меня мама из дальнего конца зала, уже повесив сумочку на руку.

— Кажется, мы уже уезжаем, — повернувшись к Артуру, сказала я шепотом, дерущим горло.

Он сжал мою руку и отпустил.

— Не забывай писать мне! — Его дыхание щекотало мне ухо.

Мама остановилась возле нас, не забыв надеть на лицо дежурную улыбку.

— Я слышала, вы скоро покидаете нас, мистер Сэмсон?

— Да, мэм!

— Будьте там осторожнее! — Они посмотрели друг на друга. — Я надеюсь, вы приедете навестить нас, как только сможете?

Улыбка, которую он послал в мою сторону, заставила меня затрепетать с головы до пят.

— Да, таково мое намерение, миссис Хэндрикс!

Мама не отводила от него взгляда, несмотря на то что ее слова были адресованы уже мне.

— Прощайся, Ребекка! — Она кивнула и повела меня к двери, будто мы не могли остаться больше ни на мгновение! Она что, всегда будет относиться ко мне как к ребенку?

— До свидания, миссис Тэкер, мистер Сэмсон. — Я смущенно посмотрела на них, прежде чем перевести взгляд на Артура. Наши глаза встретились и задержались, прощаясь.

Затем я поспешно сбежала по ступенькам и забралась в ожидавшую повозку. Папа натянул вожжи, и мы тронулись. Я выглянула из повозки, обернулась, чтобы попрощаться еще раз. Но Артура нигде не было видно. Мое сердце уже разрывалось от разлуки.

ГЛАВА 2

Через два дня после того, как поезд увез Артура на военную базу Кэмп-Дик в Техасе, сладкий аромат выпечки, доносившийся из кухни, заставил мои ноздри затрепетать. Я плотнее запахнула шаль, обдумывая, как же поступить — помочь маме на кухне или и дальше бродить по веранде. Я вздохнула и посмотрела на свои руки. Мама всегда говорила, что, если чем-то занять руки, это позволит быстрее скоротать время. Но что она на самом деле знала об этом? Она познакомилась с отцом здесь, в Даунингтоне, откуда была и сама родом, они недолго встречались, а затем поженились.

Но все-таки мне следует чем-то заняться, чтобы как-то отвлечься, иначе я сойду с ума, думая об Артуре.

Прежде чем я дошла до кухни, раздался стук в боковую дверь. Я остановилась в прихожей.

— Добро пожаловать, мистер Грейвз. — Мама говорила тем медовым голосом, который она приберегала для всех моих потенциальных женихов.

Барни Грейвз пробормотал что-то в ответ. Потом раздался звук его тяжелых шагов по полу. Затем будто опустили что-то тяжелое. Мамина бакалея из его магазина.

Послышался звук открывающейся духовки. Меня накрыл ошеломляющий запах корицы, но он больше не манил меня. Только не с этим мужчиной там.

Меня пробрала дрожь, когда я представила себе постное лицо Барни, заросшее буйными бакенбардами. Ему по меньшей мере тридцать! Почему, ради всего святого, мама считала его отличной партией?!

— Ребекка Грейс! — Голос матери снес меня обратно на веранду. Я прислонилась к стене, молясь, чтобы она не вышла меня искать. Но мама знала меня слишком хорошо. Прежде чем я закончила молить Всевышнего, она появилась.

— Вот ты где! Проводи мистера Грейвза к машине.

Мои плечи поникли. Мама придвинулась ближе, голос ее был едва слышен.

— Я знаю, ты сохнешь по молодому мистеру Сэмсону, но мой совет в поисках мужа такой же, как и в приготовлении пирога: лучше всего иметь ингредиенты сразу на два пирога, вдруг первый не удастся.

Конечно, она была права, но я не сомневалась в Артуре. Разве его обещания были не столь же значимыми, как и помолвка? После того как закончится эта ужасная война, мы с ним поженимся и с головой окунемся в самые разнообразные приключения.

А пока не было никакого смысла ссориться с мамой. Я приклеила на лицо улыбку и последовала за ней, обреченная покоряться.

— Мама сказала, вы уже уезжаете, мистер Грейвз. — Я обвинила пальцами его локоть и повела мужчину через двор. О чем же с ним заговорить?

— Вы, наверное, так гордитесь, что теперь и ваше имя стоит рядом с именем вашего отца! Магазин Грейвза и сына! Звучит так престижно! — На самом деле я считала, что Грейвз — крайне неблагозвучное имя. И я никогда не назвала бы свой бизнес таким именем.

Его застенчивый взгляд зажегся надеждой, когда я посмотрела на него.

— Да, мисс Ребекка, я и вправду крайне доволен.

— Так и должно быть! Это такое достижение для такого молодого человека, как вы! — Я опустила ресницы, пока он проворчал что-то в ответ, смысла слов я не уловила.

Он уселся в новенький автомобиль и умчался. Я отступила чуть назад, укрываясь от облака пыли, которое подняли колеса. Я испытала чувство непонятной вины, как только он скрылся

из виду. Когда мой взгляд оторвался от поднявшейся пыли и вознесся ввысь, к голубому небу, я вновь помолилась о жизни, ведущей к неведомому, которую предпочла бы проживаемой здесь, в грязи Оклахомы.

Старые качели, свисающие с огромного дуба, поскрипывали на ветру. Я села на гладкое деревянное сиденье и оттолкнулась ногами, как делала и прежде много раз, будучи ребенком.

Слишком рано было ждать первого письма от Артура. Но я подсчитала, что все-таки оно придет вскоре. Что он напишет — слова любви или просто расскажет о том, как их тренируют на базе? Я прислонилась к закаленной погодой веревке, на которую крепились качели. Если бы я только знала, сколько еще пройдет времени, прежде чем мы наконец будем вместе.

— Ребекка Грейс! — Голос мамы звучал медово, как и прежде, будто она еще не осознала, что мистер Грейвз уже уехал.

— Да, мама! — Я встала и остановила качели, увидев, что мама вышла на крыльцо.

Ее взгляд окинул окрестности в поисках автомобиля, звук мотора которого еще был слышен со стороны дороги.

— Иди помоги мне с ужином. — Теперь тон был резким.

— Да, мама! — Я прошла по ковру из сухих листьев, вновь надеясь когда-нибудь освободиться от утомительных ежедневных обязанностей: приготовления пищи, уборки, собирания яиц...

Когда я зашла на кухню, поднимающийся жар окутал меня, как шерстяное покрывало теплым летним днем. Мама вытерла лоб рукавом своего старомодного платья.

— Я все подам. Иди подыши свежим воздухом, — предложила я.

Она кивнула и вышла на улицу.

Часом позже отец сел за грубо сколоченный стол на кухне есть своего жареного цыпленка. Несмотря на то что мама все пыталась придать нам некую внешнюю благопристойность, мы были самыми обыкновенными фермерами. Цыпленок был наш, из переполненного курятника. Мама собственно-

ручно свернула ему шею сегодня утром. Возможно, мы владели фермой, которая приносила дохода больше, чем у других, и выглядела ухоженной рабами, как в старые времена, но именно тяжелый труд родителей сделал ее такой благополучной.

Отец жевал цыпленка, закрыв глаза, будто вознося птицу в тот момент на небеса. И я думаю, так оно и было. Постный вторник всегда откладывал угрюмый отпечаток на настроение отца, несмотря на то что он поддерживал политику Гувера по оказанию гуманитарной помощи воюющим странам. Проглотив первый кусочек, отец откинулся на стуле, будто желая поделиться чем-то засевшим в памяти, прежде чем та наполнится новыми переживаниями.

— Это, случайно, не Барни Грейвз приезжал? — Он подмигнул мне, а я попыталась подмигнуть в ответ.

— Он приезжал буквально на минуту. Увидеться с Ребеккой Грейс. — Самодовольный тон матери всегда раздражал меня, как сыпь от прикосновения к ядовитому сумаху.

Я отложила ножку цыпленка и вытерла жирные пальцы о салфетку.

— Он просто доставил мамин заказ из магазина.

— Но он ведь немного задержался, не так ли? Это было из-за тебя. — Мама опять направила все внимание на отца. — Я пригласила его поужинать с нами в воскресенье после церкви.

Папа посмотрел на меня, в его глазах застыл вопрос — согласна ли я с этим приглашением?

Я встала и пошла к печке.

— Еще зеленого горошка, папочка? Он сегодня очень вкусный!

Когда я вернулась за стол, папа хитро взглянул на маму. Та сделала вид, что ничего не заметила и ничего не поняла. Я села и начала накалывать вилкой по одной горошине, отправляя их в рот в четкой последовательности.

Тишину за столом нарушал лишь стук вилок о старую оловянную посуду. Вдруг мама вскочила со стула и поспешила к окну.

— Я уверена, к нам кто-то приближается со стороны дороги! — Она всматривалась вдаль, затем выпрямилась и улыбнулась. —

Вернулся мистер Грейвз, Ребекка! Будет лучше, если ты немедленно выбежишь на улицу и узнаешь, что ему угодно.

— Да, мама. — Я вышла на улицу, но не спешила. Я думала, он хотел пригласить меня на танцы или поделиться какими-то сплетнями. Но дело было совсем не в этом. Он протянул мне телеграмму и велел отдать ее отцу.

Попрощался ли он и приподнял ли шляпу в знак почтения? Я не заметила. Я держала в руках клочок бумаги, а мои ноги тряслись, как у новорожденного теленка.

Все знали, что телеграмма предвещает чью-то смерть.

ГЛАВА 3

Я поплелась обратно в кухню, надеясь прийти в себя, прежде чем услышу худшее.

А что, если это Артур, если это его смерть, несущая конец всем нашим мечтам? Я представила, как плачу на его похоронах, а затем покорно иду по церковному проходу к Барни Грейвзу.

Мама ожидала меня у двери.

— Почему ты не пригласила его войти? — Она вытянула шею посмотреть, что делается у меня за спиной.

В ответ я протянула ей телеграмму. Мамино покрасневшее лицо вмиг побледнело, она взяла телеграмму и взглянула на отца.

Потом я подумала про Уилла. Мой брат сражался на Восточном фронте и каждую минуту подвергался опасности. Я тяжело опустилась на ближайший стул. Мама не села и не проронила ни слова. Она вытащила шпильку из тугого пучка волос цвета ореха пекан на затылке и поддела ею конверт.

Я вздрогнула, звук разворачивающейся бумаги резанул мне по сердцу. Мама оставалась невозмутимой. В тот момент я восхищалась ее силой. Намеренная продемонстрировать некую стойкость духа, я выпрямилась, ожидая слов, которые — я была уверена — потрясут меня.

Мама перевела дух, не отрывая взгляда от бумаги, и сказала:

— Это от моей сестры Адабель, она больна. — Ее губы сжались в гримасе.

Мое тело расслабилось. Тетя Адабель. Я видела ее всего два раза в жизни, но на мой выпускной в прошлом году она прислала шаль и коротенькую записку. Впервые я увидела ее, когда

мне исполнилось семь или восемь лет. Я помнила мягкие объятия, широкую улыбку, зеленые глаза и гладкую кожу. Она пошла, взяв меня за руку, в курятник собирать яйца и всю дорогу расспрашивала меня. Нравится ли мне школа? Кто мой лучший друг? Хороший ли Уилл старший брат? Что мне нравится больше: играть в куклы или лазить по деревьям? И когда я отвечала, она слушала. В тот день мы нашли двенадцать яиц. Тетя аккуратно обернула каждое, прежде чем уложить в корзину. Я раздумывала — знает ли она, как мама не любит, когда я разбиваю яйца до того, как принести их на кухню?

Но когда сестры стали общаться, тетя Адабель изменилась. Смех застыл у нее на губах, блеск в глазах исчез. С мамой они разговаривали короткими, неловкими фразами. Я не понимала, почему они держатся на расстоянии друг от друга. Я только знала, что мама не одобряла поведения своей сестры.

А с маминым неодобрением шутки были плохи. Но тем не менее какая-то часть меня всегда лелеяла те воспоминания о моей тетке. И они придали мне силы задать вопрос:

— Что мы будем делать, мама?

— Делать? — Искра презрения, прозвучавшая в одном слове, была так сильна, что могла разжечь огонь по всей степи.

Я посмотрела на папу. Он вытер рот салфеткой, встал и отодвинул стул. Тот проскрежетал по полу, будто призывая слушать последовавшие за этим слова.

— Она совсем одна в этом мире, Маргарет. У нее нет никого, кроме нас.

Мама опустила руки в кадку, наполненную водой. Я наблюдала, как она потеряла кастрюлю, сполоснула ее и поскребла снова.

Отец стоял, заполняя собой маленькую комнату.

— Я надеюсь, ты поступишь правильно. Все-таки она твоя родственница. — Потом отец сделал три шага, и дверь с москитной сеткой захлопнулась за ним.

Руки мамы замерли. Я задержала дыхание, молясь о безопасности Артура и, конечно же, Уилла. Меня бросило в жар, когда я осознала, что если и придет телеграмма о кончине Артура, то точно не нам, а его матери!

Мама вновь начала мыть посуду, в кадке раздалось позвякивание.

— Я думаю, ты могла бы поехать.

Сначала я не была уверена, что вообще что-то услышала. Может быть, эти слова прозвучали в моей голове — то, что я хотела услышать от мамы? Даже несмотря на то, что мне сейчас девятнадцать, маме не понравится мысль о том, что мне придется путешествовать в одиночку.

Я уставилась на ее застывшие плечи. Ее руки, не переставая, мыли посуду. Да, скорее всего мне просто показалось. Я потянулась через стол, чтобы взять папину тарелку.

— Ты сможешь это сделать, Ребекка?

Мое внимание перескочило на маму.

— Что сделать?

Вытирая руки о фартук, она пожала плечами, что было совершенно не характерно для нее.

— Поехать в Техас и поухаживать за своей тетей.

Техас! Место, где Артур бороздил бескрайнее небо! Дыхание замерло у меня в груди. Только Господь мог заставить маму захотеть послать меня в Техас, к Артуру, и прямо сейчас! Артур был для меня будущим, предназначенным свыше! Происходящее не могло означать ничего иного.

— Поехать самой? — Мой голос чуть дрогнул — то ли от нервов, то ли от возбуждения.

Мама оперлась о комод, скрестила руки на груди и ответила:

— Да.

Мне хотелось закричать и пуститься в пляс в знак своего согласия, но я понимала, что мама вряд ли оценит такую бурю эмоций.

— Я постараюсь сделать все возможное, мама.

Ее губы изогнулись в легкой улыбке, будто она одобрила мой ответ, но казалось, она все еще раздумывает, отправлять меня или нет. Я не отвела взгляда. Я хотела дать ей понять, что я уже достаточно взрослая и зрелая, чтобы отправиться в Техас. Я была готова принять этот вызов и изменить привычный жизненный уклад, как поступил мой брат. И если это приключение приведет меня ближе к Артуру, что ж, это к лучшему.

К вечеру мой чемодан и дорожная сумка стояли у двери, готовые отправиться в предрассветное путешествие на вокзал. Мама говорила напутственные слова и давала рекомендации в дорогу, которые я старалась запомнить, но одно я знала точно — моя остановка Пратер Джанкшен, штат Техас. Мама рассчитывала, что там кто-нибудь сможет мне подсказать, как найти дом тети Адабель.

Я не имела ни малейшего понятия о расстоянии между Пратер Джанкшеном и Далласом, но ведь сейчас поезда везде ходят, не так ли?

А вдруг Артуру удастся нанять повозку с кучером или даже автомобиль и приехать навестить меня? Я была уверена, что у нас все получится.

Спустя долгое время после того, как погасли последние огни, я сошла вниз по ступенькам, стараясь не наступить на скрипящую пятую, и прошла по длинному коридору. На веранде я на ощупь попыталась зажечь фитиль маленького светильника. Наконец он загорелся, образовав небольшой кружочек света.

Октябрьский воздух обдувал мою ночную сорочку, пока я сидела за письменным столом, перо ручки замерло над листом бумаги. На чистый лист капнули чернила, оскверняя его и опережая мою нерешительность.

Я еду к тебе, мой дорогой Артур! Завтра ночью я уже буду в доме моей тети Адабель Уильямс, которая проживает в Пратер Джанкшене, Техас. Пожалуйста, адресуй свои письма ко мне на тетин адрес. Я с огромным нетерпением жду нашей следующей встречи.

Твоя любовь навеки,

Ребекка Грейс Хэндрикс

Прежде чем написать адрес на конверте, я подышала на замерзшие пальцы. Наклеив марку, затушила светильник, в темноте добралась до кухни и положила письмо в сумку. Я отправлю его

завтра утром, по пути. Затем буду ждать. Вскоре Артур найдет меня, напишет письмо или придет сам.

Аккуратно ступая, я прошла обратно в свою спальню, но не спала. Я провела ночь у окна, опустив подбородок на низкий подоконник и наблюдая за луной, путешествующей по усыпанному звездами небу.

Господь наконец нашел возможность увезти меня из Даунингтона. Не только у Артура выросли новые крылья!

ГЛАВА 4

В закатном солнце поля отливали оранжевым, поезд замедлил ход, кондуктор объявил остановку в Пратер Джанкшене. Прозвучал свисток, означающий наше прибытие на станцию. Я размышляла, испытала бы мама облегчение, узнав, что ни один незнакомец не пытался завести со мной беседу, или была бы разочарована, что мне не пришлось применить ее совет и положить конец всяким разговорам одним лишь молчаливым взглядом? Хотя я бы так не поступила. Было бы интересно побеседовать с неизвестным мужчиной, который после сошел бы с поезда и исчез из моей жизни. Но возможность так и не представилась.

В открытые окна врвался черный дым. Я кашляла, пока наконец не выбралась на воздух, на платформу. Впервые в жизни я покинула Даунингтон, дом был очень-очень далеко! Мои губы непроизвольно расплылись в улыбке, а ноги хотели пуститься в пляс. Вместо этого они подпрыгнули, когда раздался гудок и поезд поехал дальше.

На юбку дорожного костюма осел пепел. Я стряхнула его, задрала вверх подбородок, готовая к встрече с приключением.

Но с чего же начать?

Никого не было возле железнодорожных путей. Неужели больше никто не сошел с поезда? Я не могла вспомнить. Каблуки моих шнурованных ботинок громко стучали по гладким доскам. Я дошла до маленького здания в конце платформы и заглянула в окна. Пустой зал ожидания напротив пустой кассы.

Я обернулась и окинула взглядом местность за станцией. Несмотря на то что уже были сумерки, я поняла, что Пратер

Джанкшен может предложить еще меньше, чем Даунингтон. Но это не важно. Я поставлю на ноги тетю Адабель, и она поможет мне добраться до Далласа, к Артуру. Тогда и начнется настоящая жизнь!

Я спустилась на две ступеньки и оказалась на изрезанной колеями дороге, которая пересекала пути. Вдруг у моего уха заржала лошадь. Я выпустила из рук чемодан и с визгом отскочила назад — передо мной танцевали копыта! Позади испуганного животного покачивалась пустая повозка.

Я протянула руку и коснулась бархатного носа.

— Вот так... спокойно, хороший мальчик. — Я поглаживала его, пока лошадь не успокоилась.

Вдалеке раздался голоса. Я подняла голову, стараясь рассмотреть говорящих людей, но здание вокзала закрывало мне вид. Наверняка кто-то из них был владельцем этой повозки и лошади. Но становилось все темнее, здания отбрасывали все более глубокую тень, а голоса стали затихать. В воздухе слышалось лишь стрекотание цикад и отдаленное мычание скота.

Приглушенные звуки музыки донеслись из здания, расположенного на главной улице. Свет, льющийся из квадратов его окон, разгонял серые сумерки.

Мысль о том, чтобы постучать в чужую дверь и спросить дорогу, вселяла в меня ужас, поэтому я решила подождать, пока кто-нибудь не придет и не заявит права на лошадь и повозку.

Спускающаяся ночь остудила дневной жар, было приятно тепло, но я все равно дрожала. Подхватив чемодан, я пошла обратно на платформу. Вдруг нога ударилась обо что-то твердое, из-за веса чемодана меня занесло вперед, прямо на доски, устилавшие платформу. Нога подвернулась, и я вскрикнула от боли. Тут меня подхватили сильные руки и поставили на ноги.

— Эй! Нелли! Аккуратнее! — Лица говорившего не было видно — его скрывали поля шляпы.

— Спасибо, сэр.

Я сделала шаг назад, постанывая от боли в лодыжке. Приподняв ушибленную ногу и касаясь земли лишь носком ботинка,

я попыталась выпрямиться, балансируя на одной ноге с подобающим достоинством.

— Вы поранились? — Мужчина сдвинул шляпу на затылок, прежде чем придержать меня за локоть.

— Нет, сэр, я справлюсь.

Он внимательно посмотрел на меня, понимая, что не знает, кто стоит перед ним.

— Добро пожаловать в Пратер Джанкшен, мисс...?

Высокомерно вскинув брови, я постаралась скопировать одно из маминых выражений лица, но это было так нелепо, что я засмеялась, он подхватил мой смех.

— Меня зовут Ребекка Хэндрикс, а кто вы?

— Генри Джефрис, шериф. — В знак приветствия мужчина приподнял шляпу и чуть склонил голову.

— Шериф? Как я могла заметить, вы прекрасно встречаете приезжих!

Мне показалось, или он покраснел?

— Может быть, вы сможете мне помочь? Я ищу сестру моей матери — Адабель Уильямс. Я приехала, чтобы ухаживать за ней некоторое время.

Радужное выражение его лица чуть погасло, но я не поняла: мне так просто показалось из-за тусклого освещения, или было что-то еще?..

— Я отвезу вас к ней. У вас есть еще багаж, кроме этого чемодана? — Он оглянулся, прежде чем поднять мой чемодан и направиться к дороге.

— Нет, это все. — Я попыталась последовать за ним, но как только сделала первый шаг, меня пронзила жгучая боль. Я легонько вскрикнула.

— Простите меня. — Шериф вернулся и помог мне спуститься по ступенькам. — Ждите здесь!

Мужчина торопливо прошел мимо лошади и повозки и исчез за зданием, стоящим впереди. Где-то вне поля зрения заработал мотор. Затем к платформе с мерным пыхтением стал приближаться старомодный автомобиль.

Шериф Джефрис выскочил из него, положил багаж на заднее сиденье и открыл дверь, помогая мне забраться в машину.

Мы тронулись вперед, в сумерки. Одной рукой я держала сумочку, а другой придерживала шляпу. Впереди нас по дороге двигались тонкие лучи света.

Однажды я ездила на машине вместе с Барни Грейвзом, у него «форд» модели «Т», вместе с другими пассажирами, конечно же!

Что подумает обо мне мама — я еду одна с незнакомцем! Хотя тут же мелькнула мысль — вряд ли я ей об этом расскажу.

Машину больше не трясло на ухабах. Я перестала придерживать шляпу и посмотрела в сторону, разглядывая своего попутчика. Отлично сшитый костюм, хотя мама бы наверняка недовольно хмыкнула, увидев, какой он помятый. Большие, гладкие руки, крепко держащие руль. Его взгляд был прикован к дороге.

Мы наскочили на колею. Я подпрыгнула на сиденье, шляпа коснулась крыши автомобиля. Я, очевидно, вскрикнула, потому что шериф притормозил.

— С вами все в порядке?

— Все прекрасно! — У меня даже щеки болели, так долго я улыбалась.

Машина вновь набрала скорость. Мне не было видно, как пыль оседает на белую блузку, но я была уверена, это происходит. В доме моей тети мне придется хорошенько ее почистить. А пока что я хотела насладиться поездкой.

— Вы хорошо знакомы с моей тетей? — спросила я.

Прежде чем ответить, шериф заколебался.

— Достаточно хорошо.

Что-то в тоне его голоса пробудило мой интерес.

— А какая она?

На мгновение он повернул ко мне голову, брови сошлись на переносице.

— Разве вы не знаете ее?

— Я встречалась с ней. Но она и моя мать не... — Как бы мне ответить на этот вопрос, не рассказывая ничего дурного про мою маму и ее сестру?

Шериф долго и протяжно свистнул.

— А я все думал, почему не слышал о вас раньше...

Мне стало приятно, что тетя Адабель не рассказала всему городу о наших семейных делах. Я бы не хотела, чтобы кто-то

знал об их ссоре с мамой, которую я услышала во время второго и последнего визита к нам тети Адабель.

— Я не понимаю, Адабель, почему ты не хочешь сюда переехать? — вопила мама, будто Адабель было, как и мне, одиннадцать лет.

Мама думала, что я помогаю отцу и Уиллу на южном поле, но я вернулась домой взять прохладного лимонада, услышала голоса и проскользнула под крыльцо. Там я и лежала, на сырой земле, обратившись в слух.

— Я прожила одна вот уже десять лет, Маргарет. Мне нравится. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то указывал мне, что делать!

— Кроме твоих работодателей, конечно!

— Я имею в виду указывать, как жить. Я сама принимаю решения, они просто определяют мой круг обязанностей в их поместьях.

— Но женщине жить одной не подобает!

— Почему? Я вдова, Маргарет. Ты и в этом готова меня обвинить?

— Если бы ты не убежала тогда с тем парнем! В шестнадцать это было еще слишком рано!

— Я любила его! И по-прежнему люблю! — В голосе тети Адабель прозвучала грусть.

Она уехала, больше ни с кем не встречаясь и не попрощавшись. И мама никогда не вспоминала о ее визите. Вообще никогда.

Любила ли тетя Адабель своего мужа так же, как я люблю Артура? Я надеялась, что это так. На самом деле я даже рассчитывала на это. Вглядываясь в темноту, я поинтересовалась у шерифа:

— Тетя Адабель болеет уже давно?

— Нет... — Он ответил так, будто думал, что я и сама знаю ответ на вопрос. Потом он глянул на меня еще раз.

— Она прикована к постели? — Я видела, как его глаза сузились, словно он пытался увидеть что-то, находящееся очень далеко. Я сама прищурилась, но единственное, что было видно, это дорога.

— Там, откуда вы приехали, вы видели больных гриппом?

Я не слышала ни о каких вспышках гриппа в нашем городе, правда, я не уделяла внимания тому, что происходит в жизни окружающих, меня интересовала лишь моя собственная.

Тем не менее я почувствовала облегчение. Я сама никогда не болела гриппом. Неделя в постели или чуть больше — и тетя Адабель будет снова на ногах, разве не так? А после этого я смогу выяснить, как добраться до Артура.

Тишина висела между нами, как кривая фотография.

— Это то, чем тетя болеет? У нее грипп?

— Да, но... — Его губы опять плотно сжались.

— Но что?

Машина замедлила ход. Двухэтажная ферма вырисовалась на темнеющем горизонте.

— Это ее дом?

— Да. — Длинное, неуверенное слово.

Так же неуверенно почувствовала себя и я, прижимая телеграмму к нервно вздымающейся груди. Почему его поведение так меня беспокоило?

Из окон нижнего этажа лился свет. Я отбросила все сомнения. Наверняка шерифу неизвестно истинное положение вещей. Он, скорее всего, представлял болезнь моей тети намного хуже, чем все обстояло на самом деле.

Мы проехали вдоль низкого дощатого забора, который заканчивался во дворе дома, и остановились у задних ворот. Я опустила на землю ноющую ногу и вышла из машины. Боль заставила меня поморщиться, но было терпимо. Я взяла шерифа под руку, и он повел меня к двери, похоже, кухни. Мы вошли в темную комнату, над посудой витал затхлый запах несвежей еды.

— Идите сюда.

Шериф поспешил отвести меня в комнату напротив кухни, в которой горел свет. Тысячи вопросов, чуть не сорвавшись, замерли у меня на губах, при виде девочки со всклокоченными волосами. Ее грязное платье безвольно свисало, а босые ноги стояли на холодном полу. Я отступила назад. Ребенок ухаживает за моей тетей?

— Олли Элизабет, — сказал шериф Джефрис, кладя руку на голову девочки и убирая волосы со лба, чтобы можно было увидеть ее лицо, — это племянница мисс Ады. Она приехала помочь.

Девочка перевела взгляд своих больших глаз на меня, затем посмотрела на мужчину: было очевидно, что она его знает. Она откинула непослушные волосы от лица, прежде чем прошептать в замершее пространство:

— Я сказала мисс Аде, что мистер доктор придет.

— Я уверен, что он сделает все возможное, чтобы добраться сюда. Не волнуйся.

Девочка с серьезным лицом кивнула. Затем она подняла голову и посмотрела на меня еще раз.

— Если ты собираешься остаться, то можешь воспользоваться моей комнатой.

Она прошла мимо нас на цыпочках вперед, по темным ступенькам.

Шериф кивнул мне, чтобы я следовала за ней. На данный момент другого выбора у меня не было.

ГЛАВА 5

Олли Элизабет провела меня по узкой лестнице. Боль в лодыжке отдавала на каждой ступеньке. Но ботинок не жал, значит, нога не сильно распухла. Когда мы поднялись наверх, девочка открыла первую из двух дверей. Ее петли заскрипели, как колени старика. Ночной воздух задувал в щели между окном и подоконником, запах дров гулял по углам.

Я поежилась, но скорее от тяжелой атмосферы этого места, чем от холодного воздуха. Тонкий луч луны, проникавший через окно, позволял разглядеть кровать у одной стены и комод у противоположной. Простота убранства напомнила мне о родном доме. Я расслабилась, отругав себя за то, что слишком впечатлилась зловещими предчувствиями шерифа Джефриса.

Олли оставалась на том же месте — спиной к открытой двери.

— Это твоя комната? — спросила я.

Девочка подняла одно плечо.

— Я раньше спала здесь, но после того, как папа уехал, Джеймсу нравится, когда мы все вместе. — Она кивком показала на соседнюю дверь и опять откинула прядь волос, которая закрывала ей глаза.

Раньше? Папа? Джеймс? Чего еще я не знала о жизни тети Адабель? Я прикусила губу, не зная, о чем можно спросить этого ребенка. Поэтому я положила руку на ее хрупкое плечико, присела и посмотрела ей в глаза.

— Теперь я здесь, дорогая. Все будет в порядке.

У девочки опустился уголок рта. Она что, не поверила мне?

— Ты иди спать. Я здесь со всем разберусь.

Девочка открыла рот, словно собираясь запротестовать, потом закрыла его и, как испуганный заяц, потрусила в соседнюю комнату.

Я поставила чемодан возле комода и уставилась на стену, разделяющую спальни.

Безусловно, тетя Адабель нуждалась в помощи. Я знала, что могу навести порядок в доме и готовить пищу, но я никогда самостоятельно не брала на себя ответственность за ребенка. На самом деле у меня вообще не было никакого опыта в общении с детьми, кроме младших учеников в школе. Но, кажется, Олли вполне самостоятельна. Очевидно, что до сих пор со всем в доме управлялась она.

Выйдя в коридор, я на ощупь, опираясь о стену, нашла лестницу и сошла вниз. Перед тем как шериф уедет, мне необходимо задать ему несколько вопросов. Выбившиеся кудри щекотали мне лицо, пока я неуверенно шла по направлению к освещенной комнате. Я остановилась и слепо заморгала, выйдя из темноты на яркий свет.

— Вот и она, Адабель! — В голосе шерифа была нежность, которая удивила меня.

Мои глаза привыкли к свету, а нос к ошеломляющему запаху камфары и мяты. Шериф стоял возле кровати и держал маленькую руку моей тети. Я изучала лицо уставившейся на меня из-под кучи стеганых одеял женщины. В ней я не увидела и подобия черт, сохранившихся в моей памяти как лицо тети Адабель. Не было и следа розовых щек и сияющих глаз. Ее кожа плотно обтягивала кости, а вовсе не была мягкой и здоровой, как запомнилось мне.

Я попыталась сдержать вздох, но он вырвался и разнесся в тишине комнаты.

Голова шерифа резко вздернулась. Он уставился на меня, будто по комнате вихрем пронеслись мои панические мысли. Потом он смягчился и показал, что мне следует взять стул и сесть возле кровати. Я сделала так, как он предложил, но была уверена, что, когда я взглянула на него, мои глаза были такими же большими, как кувшинки на глади водоема. Мама никог-

да не допускала меня в комнату больных. Когда болели папа или Уилл, она всегда ухаживала за ними сама.

Я попросила бы шерифа остаться.

Но он вряд ли сможет. Не на всю ночь. Не без компаньонки в доме.

Он пристально посмотрел на меня.

— Теперь ты в хороших руках, Адабель!

В знак согласия я слегка склонила голову. Я не уверена, что мои руки так уж хороши. Они молоды, неопытны, незрелы. А то, чем болела тетя, совсем не походило на симптомы гриппа, которые я видела раньше. Было очевидно, что тетя Адабель серьезно больна, эти ее запавшие темные глаза, бледное лицо. Я не знала, как ухаживать за такими тяжелыми больными.

Шериф Джефрис лишь кивнул.

— Доктор Ризингер придет снова, как только сможет.

— Спасибо... — раздалось с кровати сквозь хрип. Затем судорожный вдох — и изо рта вырвалось слово «шериф».

Мужчина поднялся. Я последовала его примеру и пошла за ним к двери.

— Вода в тазу, — сказал он мне. — Меняйте холодные компрессы.

— Кто... — Я едва проглотила комок, стоявший в горле. — Кто такая Олли? Я должна и о ней заботиться?

Шериф потер лицо рукой.

— Адабель заботилась об Олли Элизабет, ее братьях и сестре с тех пор, как умерла их мать. Пока их отец воюет с немцами, они нуждаются в ком-то, кто позаботится о них.

Я пыталась осознать сказанное. Братья? Сестра? Разве у них нет родственников?

— Я приеду завтра, хорошо? — Он надел шляпу и ушел прежде, чем ко мне вернулся голос и я могла бы запротестовать.

Наблюдать за внезапно опустевшей после его ухода комнатой было все равно что смотреть, как в колодец опускается веревка и исчезает в небытии, и только звук наполняемого ведра означает, что она достигла дна.

Мой знак о том, что дно достигнуто, пришел в форме еще одного судорожного вздоха, раздавшегося с кровати рядом. Я заставила себя улыбнуться, смотря в лицо больной. Вспомнив про компрессы и холодную воду, я опустила в таз сухую ткань, отжала ее и положила на лоб тети.

— Я думаю, вы не узнали меня, тетя Адабель. Я Ребекка. Моя мама — ваша сестра — послала меня приглядывать за вами. — Звук моего собственного голоса успокоил меня.

Тетю сотряс приступ кашля. Я отступила от кровати, лоскут ткани при этом повис у меня в руках, и подождала, пока кашель не затихнет. Она протянула мне руку. Я подошла к кровати, в животе все похолодело от паники.

— Красивая, — прошептала она.

Что она имела в виду?

— Уже осталось недолго. — Медленные, усталые слова.

— Не волнуйтесь, тетя Адабель! — Я обернула ее горящие щеки холодной тканью. — Теперь я здесь. Скоро вы встанете на ноги. Я обещаю.

Мой голос звучал куда более уверенно, чем я себя чувствовала.

* * *

Я дремала на стуле, временами просыпаясь то ли от тишины, то ли от стонов тети. Каждый раз, стряхивая сон с лица, ставила еще один холодный компресс на голову тети, пылающую от жара.

Наутро кожа тети Адабель стала еще темнее. Или, может быть, свет угасал? Я посмотрела на лампу, стоящую на прикроватном столике, но прозрачная колба показывала, что там достаточно керосина, и ее пламя сверкало на прикрученном фитиле.

Я приложила еще один мокрый компресс к ее лбу. Коснувшись лица тети, мои пальцы нагрелись, будто я взялась за свежий хлеб прямо из духовки. Если бы только мама позволила мне наблюдать, как она ухаживает за теми, кого любит! Но она никогда не позволяла. Поэтому я продолжила делать то, что подсказал мне шериф.

Он обещал, что придет доктор. Но когда? Дрожащими руками я попыталась собрать растрепанные волосы, стараясь

заправить непослушные пряди в нужные места. Затем я принялась разглаживать переднюю часть юбки: ткань была помятой и выглядела как морщинистые руки старухи.

Мрак за окном начал сереть. Темные пятна, почти фиолетовые, исполосовали пепельные щеки тети. Разве это нормально при гриппе? Из рта к подбородку потекла темно-красная струйка. Она коснулась верхнего края белого одеяла и окрасила его в кроваво-красный цвет.

Мое сердце практически остановилось. Я вскочила со стула и вытерла ее подбородок, прежде чем отодвинуться подальше от кровати и крови. Несмотря на всю мою неосведомленность, я тем не менее знала, что это не предвещает ничего хорошего. Моя спина коснулась стены. Я сползла на пол, подтянув колени к груди. Судорожные, дрожащие вдохи заполнили комнату. Я очень хотела убежать, послушать вместо этого шелест ветра среди деревьев или бег воды по камням в ручье. Я не ожидала этого! Мне хотелось лишь сбежать с фермы и отправиться на поиски приключений!

Через некоторое время после рассвета ко мне подошла Олли — светлые волосы спутаны, глаза полны слез, которые никак не прольются. Она обняла меня за шею и прижалась щекой к моей голове. На меня снизошло облегчение, как только я ее обняла. Мы обнимались всего лишь мгновение, прежде чем я встала на дрожащие ноги и взяла Олли за руку. Мы пошли обратно к стулу возле кровати. Я посадила Олли к себе на колени. Она дотянулась до руки тети Адабель и держала ее в своих маленьких ладошках. Я вытерла тканью подбородок тети, который был уже весь залит кровью.

Тетя застонала, длинно и протяжно, все ее тело сотрясал кашель, затем пролилось еще много крови на одеяло, на этот раз и из носа. Олли не отшатнулась, когда я наклонилась, чтобы вытереть тетинo лицо. Она лишь поднесла к губам ее восковую руку, поцеловала и положила обратно под одеяло.

Сверху раздались приглушенные удары. Я подняла голову, будто могла увидеть сквозь потолок, что там происходит. Облизала сухие губы.

Олли слезла с коленей.

— Я приведу их. — Девочка распрямила плечи. — Вчера вечером я замочила кукурузную кашу. Мама научила меня делать ее до того, как она... До того, как Дженни... — Девочка ушла из комнаты, не добавив больше ни слова, ее маленькое тельце склонилось вперед, как молодое деревце на ветру.

Что я здесь делаю? Здесь должен все взять в свои руки кто-то другой! Мама. Врач. Шериф. Точно не я.

— Господи, помоги мне! — Шепот моих слов разогнал безмолвие. Слова, которые не должна была услышать Олли, но которые мне необходимо было произнести.

Тетя Адабель силилась дышать, повернув голову ко мне.

— Дети... пожалуйста... — В перерывах между словами из ее рта лилась кровь.

Одна красная капля попала мне на руку. Я уставилась на темно-красное пятно. Кровь тети на моей руке, такая же течет у нас под кожей. Мама бросила свою сестру давным-давно, я не могла поступить так же.

Отбросив с виска слипшиеся от пота темные волосы тети, я наклонилась ниже и задышала ей в ухо, говоря:

— Я позабочусь о них, тетя Адабель! Я обещаю.

Тетя с трудом перевела дыхание.

— Больше никому о них позаботиться! — Она выкашляла еще один поток крови.

Мои глаза наполнились слезами.

— Я не знаю...

— Господь послал тебя! — Ее слова вознеслись вверх, как и ее дух, освободившись от тела, покинул комнату, и воцарилась тишина.